

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-88-101

С. А. Толкачев¹, А. И. Авдеева²

СОВРЕМЕННЫЙ ПОСТКАПИТАЛИЗМ И ДИАЛЕКТИКА УЧЕНИЯ О ТРЁХ ФОРМАХ ХОЗЯЙСТВА³

Предпринята попытка показать развитие диалектического учения К. Маркса о трёх формах хозяйства на материалах современного кризиса капитализма и признаках формирования посткапиталистической формации. Теоретический концепт трёх форм хозяйства был предложен ранним Марксом в виде типологии развития отношений зависимости индивида от общества в формах личной зависимости, личной независимости, основанной на вещной зависимости, наконец, свободной индивидуальности, основанной на универсальном развитии индивидов. Впоследствии отечественная школа методологии политической экономии трансформировала содержание трёх форм хозяйства в учение об исходном производственном отношении, которое вместе с основным производственным отношением формирует двухчастный идентификатор каждой общественно-экономической формации. Показаны движущие силы и внутренние противоречия перехода к каждой форме хозяйства. Выделены существенные проявления формы снятия противоречия между задачами развития индивида и общества в современном посткапиталистическом обществе в виде планомерности и обобществления производства, которые формируют новое исходное производственное отношение посткапитализма – «личная зависимость человека на основе ментальной (не вещной) зависимости от общества». На основе сопоставления учения о трёх формах хозяйствования и теории ноономики представлен обоснованный вывод: действительное разрешение, а не снятие противоречия между индивидом и обществом возможно в рамках ноообщества.

Ключевые слова: личная зависимость, вещная зависимость, свободная индивидуальность, феодализм, капитализм, посткапитализм, снятие противоречия, товарно-денежные отношения, производственные отношения.

УДК 330.113.4

Вопрос исторической исчерпанности социально-экономических ресурсов развития общественной модели или общественно-экономической формации под названием

¹ Сергей Александрович Толкачев, первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49/2), д-р экон. наук, профессор. e-mail: tsa2000@mail.ru.

² Анастасия Игоревна Авдеева, студентка магистратуры Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49/2), e-mail: 7141164@gmail.com.

³ Статья выполнена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем» по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

«капитализм» перешёл из области футурологических размышлений и теоретических умозаключений в практическо-проектную сферу. Происходят удивительные процессы одновременной дискредитации основ капитализма в развитых странах Запада, которые послужили прародителями и цитаделью этой модели, и попыток целенаправленного общественного переустройства в направлении новой модели, чёткие характеристики которой пока не просматриваются. Однако, судя по манифестированным проектам типа «инклюзивного капитализма» Ватикана и мадам Ротшильд или некоего подобия «распределительной экономики» К. Шваба на основе полной роботизации производства и глобального алгоритмизированного управления, речь идёт о качественной трансформации в сторону модели доминантного контроля рыночно-предпринимательской основы капитализма общественными группировками и государством.

В целях применения политико-экономического подхода и диалектических принципов познания трансформации современного капитализма представим его суть на основе подзабытого методологического учения советской школы политэкономии – единства исходного и основного производственных отношений. Являясь результатами многолетних размышлений и обобщений произведений К. Маркса, исходное и основное производственные отношения стали применяться советской политэкономией для характеристики каждой общественной формации как двухчастный критериальный идентификатор.

Три формы общественного хозяйства

К. Маркс в своих ранних работах разделял понятия «форма общественного хозяйства», получившее название «исходное производственное отношение», и собственно «экономический строй» (впоследствии – «общественно-экономическая формация») – «основное производственное отношение».

В «Экономических рукописях 1857–1858 годов» К. Маркс пишет о трёх крупных формах производственных отношений: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень» [10, с. 100, 101].

В главе 51 третьего тома «Капитала» Маркс уже уверенно утверждает: «Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства. Во-первых, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой... Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, – это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства» [11, с. 451–453].

Разберём подробнее характеристики трёх ступеней развития общества или трёх крупных форм общественных отношений:

1. *Первая форма* – личная зависимость – характерна для первобытных обществ, основанных на отсутствии зрелости индивида в историческом смысле и на подчинении более сильным, авторитетным людям – например, вождям племени. В узком смысле *зависимость* означает подчинённое положение по отношению к кастовой системе,

сословию и т. д. Указанная зависимость также справедлива для производственных отношений, характеризующих натуральное хозяйство.

Личная несвобода имеет отношение не только к производственному процессу, но также к принципу распределения продуктов производственной деятельности между участниками общественных отношений. В зависимости от того, к какому классу или сословию принадлежит человек, от его места в иерархической структуре происходит распределение жизненно важных ресурсов. Наименее авторитетные люди получают малую часть ресурса. То, каким образом продукты труда распределяются, обмениваются и потребляются участниками таких отношений, зависит от причин личного характера, взаимоотношений в коллективе. Таким образом, игнорируются реальные способности и потребности отдельно взятого человека, т.е. речь идёт о *личной* зависимости.

Зависимость личного характера справедлива для двух исторических эпох докапиталистического периода, демонстрирующих антагонистические отношения между его представителям: первобытное общество и античный социум.

Первая форма общественного хозяйства, при которой общественное разделение труда и, соответственно, взаимозависимость производителей и потребителей были не развитыми и зачаточными, впоследствии получила название «натуральное хозяйство». В тех формах общества рынок и товарно-денежные отношения носили вспомогательный характер на фоне господствующих отношений обеспечения власти имущих или собственников ключевых ресурсов (земли и прочих природных объектов) путём принуждения *лично зависимых* к труду и созданию *отработочной* ренты. Постепенная трансформация отношений отработочной натуральной ренты в денежную ренту привела к подрыву этой формы общественного хозяйства.

2. *Вторая форма* – личная независимость, основанная на вещной зависимости, получила название рынок или товарно-денежное хозяйство. Для указанного типа несвободы человека, согласно К. Марксу, справедливо наличие рыночного типа отношений и частной собственности. Философ определяет зависимость от материальных объектов как одну из форм отношений производственного характера, для которой актуален процесс товарообмена. При этом под *товаром* подразумеваются не столько вещественные объекты, сколько трудовые компетенции индивида, его личная *производственная мощность*, которую он продает работодателю. Всеобщность отношений купли-продажи рабочей силы конституирует общественный договор капиталистического строя, который не избавил человека от личной зависимости, но осуществил подмену на зависимость предметного характера.

3. *Третья форма* – свободная индивидуальность – в марксовом понимании может сформироваться только в рамках коммунистической формации. *Свободная индивидуальность* – это свобода, предполагающая активные действия личности, так как её приобретение зависит от конкретных действий и поступков индивида. Достижение свободной индивидуальности прямо зависит от того, насколько полно каждый отдельно взятый представитель социума способен принимать участие в производственном процессе, как к нему прислушиваются «начальники» и насколько полно он готов реализовывать свои трудовые компетенции.

Р. М. Нуреев утверждает, что третья формация – это возможность существования человека в качестве индивидуальной единицы, способной реализовывать свои личные потребности и полноценно развиваться в отсутствие контроля. В таких условиях продукты производственных отношений становятся достоянием коллектива, общественности, что приближает их к коммунизму, как его понимал К. Маркс. Отметим, что второй вид общественных отношений – *вещная зависимость* – формирует условия, позволяю-

шие появиться окончательной, третьей формации. По этой же причине первая ступень теряет свою актуальность параллельно с развитием товарно-денежных отношений, разделением на классы [12].

Согласно мнению А. В. Рубанова, концепция *личных зависимостей* имеет непосредственное отношение к концепции *формаций общественного и экономического характера* [15]. Не будет ошибкой утверждать, что речь идёт об одних процессах, рассмотренных в различных плоскостях. Если *личные зависимости* – это категория, справедливая для психологической науки, то *общественно-экономические формации* – понятие из экономических исследовательских работ.

А. В. Журавель, апеллируя к статьям Н. Б. Тер-Акопяна и М. А. Виткиной утверждает, что К. Маркс отказался от пятиступенчатого деления формаций, так как впоследствии он говорил исключительно о первичной, вторичной и третичной формациях, которые по смыслу соответствуют степеням личной свободы индивида [8]. А. В. Журавель отмечает, что наиболее раскрытой и полно проанализированной категорией, которой в своих работах уделял внимание Маркс, является вторичная формация. Её характерные черты – отчуждение классового характера, государственные образования, личная собственность, наличие и развитие семейных отношений и т. д. Исследователь полагает, что XIX век позволял наиболее полно проанализировать вторичную формацию, так как период *личной независимости* (третичная формация) являлся конструктом гипотетического характера, который был в тот момент *умозрительным теоретизированием*. А. В. Журавель откровенно критикует позицию К. Маркса, считая, что личная свобода будет достигнута исключительно благодаря увеличению производительных сил – в результате появится новый коммунистический мир. Автор замечает, что рассуждения Маркса носят утопический характер.

А. В. Рубанов [15] утверждает, что смена формации происходит, когда отношения производственного характера перестают соответствовать уровню развития производительных сил. То есть, если общество вступило в эпоху мануфактурного производства, то для него перестают быть актуальными социальные отношения, справедливые для землевладельческого периода. А. В. Рубанов согласен с мнением К. Маркса, полагавшим, что логика исторического развития человечества демонстрирует прогрессивный характер и стремление к личной свободе. При этом автор указывает, что Нуреев в своей статье игнорирует принципиальное положение, согласно которому переход из одной формации к другой всегда сопровождается революционными преобразованиями.

Сам Маркс в своём раннем произведении «Тезисы о Фейербахе» называл революции «локомотивами, которые двигают исторические процессы в будущее». Он утверждал, что базовым условием для деятельности, сопряжённой с революционными процессами, является ранее названный конфликт между производственными отношениями и уровнем развития производительных сил. Маркс отмечал, что, когда отношения производственного характера перестают быть причиной личной независимости индивида, они становятся его оковами, которые необходимо разрушить, пусть даже с применением физической силы [9, с. 1–4].

Таким образом, философия Маркса демонстрирует кажущийся парадокс диалектического характера, при котором стремление к личной свободе сопряжено с насильственными методами достижения указанной свободы.

Диалектика методологии исходного и основного производственных отношений

В советский период развития политэкономической мысли третья форма, адекватная для посткапиталистического строя или коммунистической общественно-экономи-

ческой формации, о которой мечтал Маркс, получила название *планомерность* в трудах цаголовской школы политэкономии [18]. Эта школа пришла к пониманию универсальности двойственного подхода к характеристике любой общественно-экономической формации с помощью исходного и основного производственного отношения.

Исходное производственное отношение капитализма отражает его универсальный товарный характер, товарный способ связи между производителями и потребителями, т. е. всеобщность товарно-денежных рыночных отношений. Всеобщность товарных отношений, исходя из рассмотренных К. Марксом свойств товара, означает всеобщность (опосредованно) общественных связей между производством и потреблением. Именно господство рынка при капитализме приводит к установлению глубокой общественной связи и взаимной зависимости сфер производства и потребления. Обе они на основе высокого уровня разделения труда, достигаемого при капитализме, становятся окончательно общественными, т. е. состоящими из огромного количества товарообменных сделок между независимыми производителями/продавцами и потребителями/покупателями. Товарная форма связи является универсальным и всеобщим посредником, соединяющим многочисленных производителей и потребителей.

Однако нельзя забывать, что товарное отношение как всеобщая форма находится в диалектическом взаимодействии с основным производственным отношением капитализма – эксплуатацией труда. Товар – это форма, но не содержание. Эксплуатация труда на основе его свободной купли-продажи за счёт всеобщности товарной формы в целях непрерывного увеличения прибавочной стоимости составляет цель и содержание капитализма – основное производственное отношение этой системы.

Р. С. Дзарасов подчёркивает важность «разграничения исходного и основного экономических отношений. Если первое образует всеобщую форму всех остальных экономических явлений данной социально-экономической системы, то второе – определяет её цель. Так, товар ... является исходным понятием в анализе капитализма. Но он не выражает специфику именно этого общественного строя. ... Специфику капитализма как такового выражает именно прибавочная стоимость, понимаемая как продукт неоплаченного труда рабочих, безвозмездно присваиваемый капиталистами» [7, с. 5–6].

Диалектика взаимодействия исходного (форма) и основного (содержание) отношений состоит в том, что исходное облакает в нужную для основного форму все виды производственных отношений, прежде всего обеспечивает свободу купли-продажи труда. С другой стороны, основное производственное отношение, подчинив себе на основе всеобщей товарной формы все сферы общественно-экономической жизни⁴, предоставляет этой форме дополнительные (порой иррациональные и противоестественные) зоны применения. Проникновение и развитие товарной формы в этих зонах

⁴ Здесь уместен пример с теорией экономического империализма Г. Беккера, объясняющей проблемы прочих общественных наук с помощью методов экономикс – рациональный выбор и оптимизация целевой функции индивида. Фактически это означает применение подзабытого принципа максимизации прибыли (выгоды) ко всем иным общественным сферам. Представление неoinституционалистов о том, что любое общественное явление может быть объяснено с помощью ключевых методологических приёмов экономикс, означает запредельный совместный эффект действия исходного и основного производственных отношений капитализма. Осмысление политики, культуры, семейных и прочих общественных отношений сквозь призму экономического инструментария – блестящий пример товарного *форматирования* этих сфер и подчинения их содержательного наполнения принципу бесконечного производства прибавочной стоимости.

приводит к злокачественным мутациям самого товарного отношения, т. е. к нетерпимому проявлению противоречий, заложенных в его основе, и требует разрешения или снятия этих противоречий.

А пока сосредоточимся на дополнительном обосновании соответствия высказываний раннего Маркса о трёх видах зависимости человека и развитого позднее его последователями учения о трёх формах общественного хозяйства – натурального, товарного и планомерного. Дело в том, что эволюция форм зависимости человека в обществе соответствует гегелевской диалектической триаде «тезис – антитезис – синтез», объясняемой с помощью трёх известных законов диалектики: единства и борьбы противоположностей; перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания. Молодой Маркс на пике увлечения диалектикой Гегеля строит смелую схему развития противоречия между индивидом и обществом. Вначале общество в лице владельцев ключевых ресурсов ввергает индивида в отношения личной зависимости – тезис. Но для развития самого общества, его общественных производительных сил требуется освободить индивида от личной зависимости и предоставить ему «личную независимость, основанную на вещной зависимости», – антитезис. Но противоречие индивида и общества этим переходом не разрешается, а только снимается, т. е. переходит на новый уровень. Движущие силы развития этого противоречия должны, по мысли Маркса, привести его к окончательному разрешению в виде синтеза – «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние».

Синтез сохраняет тезис и антитезис в гармоничном единстве, примиряет их противоположности и развивает их на новом витке спирали. Антитезис – отрицание тезиса. Синтез же – отрицание отрицания.

Марксов синтез сохраняет *универсальное развитие индивидов* из тезиса, поскольку в дорыночные эпохи человек не погружался в глубокую специализацию по выбранной профессии, как в товарном хозяйстве. Из антитезиса Маркс сохраняет *свободную индивидуальность* и *общественную производительность*, поскольку в товарном хозяйстве развитие основано на росте производительности и разделении труда, углублении профессионализации и росте взаимозависимости трудовых операций. Синтез же в пострыночном (коммунистическом) обществе, согласно парадоксальному диалектическому ходу мыслей Маркса, должен совместить несовместимое: свободную индивидуальность и универсальное развитие индивидов, а также *общественную производительность* (которая есть результат товарного хозяйства частных хозяйственных единиц, предусматривающего частное присвоение) и *общественное достояние* (общественную собственность на результаты производства, невозможную без общественной собственности на средства производства).

Можно утверждать, что сверхидея марксова синтеза общественных форм хозяйства заключается в соединении коллективности и индивидуальности, универсальности и специализации труда на основе принципиально новой формы общественного хозяйства, отличной и от натурального, и от товарного – планомерного хозяйства в трудах цаголовской школы политэкономии.

Нельзя не вспомнить, что великий социолог XX в. Эрих Фромм, применяя психологический категориальный аппарат, согласно мнению Е. В. Балацкого, исповедовал противоположную Марксу точку зрения на указанные процессы [1, 17]. Если К. Маркс утверждал, что с развитием товарно-денежных отношений индивид в историческом контексте избавляется от личных зависимостей, то Э. Фромм считал, что древний человек был более свободен и независим, чем современные люди.

Теория Фромма исходит из предпосылки, что индивид, являвшийся участником производственных отношений в древности, не демонстрировал повышенную агрессивность и недоброжелательность. То, что психолог называет *компетенциями деструктивного характера*, не было актуально для древнего человека, поскольку в этом отсутствовала экономическая целесообразность. Фромм убежден, что античные люди демонстрировали отсутствие эгоистических устремлений и желаний обладать собственностью. Своё мнение он подкрепляет данными антропологического характера, согласно которым человек дофеодальной формации был гостеприимен, щедр и добр [17].

Племенные образования, в состав которых входили охотники, были основаны не на превосходстве в физическом смысле, а на авторитете индивидов, демонстрировавших социуму свой опыт и мудрость. Э. Фромм утверждает, что параллельно с технологическим развитием и появлением товарно-денежных отношений люди начинают терять личную независимость, а это приводит к социальному неравенству. В указанных объединениях опыт и мудрость не имеют первостепенного значения. В этот самый период в психических процессах индивида происходят необратимые изменения, в силу чего он начинает демонстрировать компетенции эгоистического характера, стремление к накоплению денежных средств и повышенное чувство соперничества. Далее, уже в земледельческий период, эгоистические компетенции укрепляются, потому что индивид осознает, что земельные участки конечны и ограничены. В результате увеличивается количество конфликтных ситуаций, сопряжённых с борьбой за территории.

В финале своего исследования Фромм приходит к выводу, что античный мир, демонстрировавший личную независимость, сменяется эпохой земледельчества и разделением территорий, для которой характерна повышенная конкуренция и борьба за власть и ресурсы. К тому периоду, когда начинают появляться прототипы будущих государственных образований, человеческая психика изменяется настолько, что речи о личной независимости уже идти не может.

На наш взгляд, смешение античного общества и племенных охотничьих образований методологически неверно. Античные люди жили во времена товарно-денежных отношений, торгового капитала и поражены аристотелевской хрематистикой. Но мы разделяем тезис психолога Фромма о необратимых изменениях в психических (ментальных) установках индивидов в результате развития технологий и товарно-денежных отношений.

Марксист Г. В. Плеханов [13] утверждал: то, как человек воздействует на окружающую среду, в конечном счёте влияет на самого человека. Насколько сильно в течение исторического процесса видоизменяются способы влияния на окружающую среду в деятельности человека, настолько сильно меняется и сама человеческая личность.

В качестве примера автор обращается к технологическому процессу, в рамках которого человек изменяет природу с помощью машинного производства. В данном вопросе Плеханов не соглашается с положениями теории Маркса, считая, что человек, обращаясь к технологиям машинного производства, теряет собственные навыки, позволяющие ему влиять на окружающую среду, и становится более зависимым.

Обратим внимание на то, как идеи Маркса о развитии противоречия между личностью и обществом и о движении личности к свободе преломились в современных экономических теориях. В качестве примера обратимся к теоретическим разработкам С. Д. Бодрунова, который в своей книге «Ноономика» апеллирует к идеям Маркса [3]. По мнению учёного, развитие новейших информационных технологий стало причиной воплощения в жизнь идей Маркса, согласно которым именно труд позволит человеку выступать в качестве активного субъекта трудовой деятельности и как следствие – кон-

тролировать и регулировать производственные отношения. Бодрунов подчёркивает, что в настоящее время переход к личной свободе возможен именно в силу стремительного научного развития.

Складывается ситуация, при которой человек обладает возможностью удовлетворять насущные потребности, не принимая непосредственное участие в производстве, что подтверждается наличием автоматизированных систем, развитием искусственного интеллекта, голосовыми помощниками и т. д.

Идея С. Д. Бодрунова заключается в том, что в природе человека соединены два начала: первобытно-животное и гуманистическое, присущее исключительно человеку и недоступное другим живым существам. С одной стороны, исследователь соглашается, что переход к парадигме ноономики возможен лишь путём революционных преобразований, с другой – речь идёт не о революции в привычном понимании, которая ранее совершалась «животной» ипостасью человека. Именно в этом автор видит ошибочность теоретических разработок прошлого: революция возможна лишь в том случае, если происходит в уме субъекта, осуществляющего сознательную деятельность, что находит отражение в новейших научных разработках и прогрессе. Таким образом, речь идёт о научной революции, движущей силой которой станет человеческое гуманистическое начало.

Кроме того, С. Д. Бодрунов решает вопрос о растущих человеческих потребностях следующим образом: чем больше новейших технологий, тем меньше непосредственное участие человека в труде и тем полнее он может удовлетворить свои растущие потребности. В долгосрочной перспективе это позволит устранить конфликтность такого перехода к новой свободе.

Добавим, что и сами человеческие потребности претерпят серьезные изменения: удовлетворив базовые потребности, индивид обратит внимание на духовные.

В концепции Бодрунова человек становится свободным не благодаря обладанию дополнительными материальными объектами, но, скорее, из-за отсутствия в его сознании первобытных потребностей, апеллирующих к животному началу. Автор утверждает, что «нооцивилизация» возможна лишь при условии равенства потребностей духовного и материального характера, а далее – духовное начнёт вытеснять материальное.

А. В. Бузгалин в работе «Марксизм после «Капитала»: российский контекст» также обращается к вопросу личной зависимости и свободы человека [5]. Он утверждает, что развитие технологий делает человека более зависимым от них, чем свободным – в этом его схожесть с позицией Плеханова. Автор аргументирует это следующим образом. Дело в том, что структура капиталистического общества устроена таким образом, что человек не обладает возможностью удовлетворить потребности раз и навсегда. Приобретая товар, он не удовлетворяется этим, так как через короткий промежуток времени на рынке появляется продукция, технически превосходящая предыдущую. Происходит процесс, в рамках которого человек пассивно подчиняется силам, стоящим за глобальной протоимперией, чья цель – извлечь доход. Кроме того, индивиду навязывают критерии «прогресса» и «цивилизованности» с помощью методов экономики, политики и идеологического характера.

Согласно А. В. Бузгалину, парадоксальность ситуации в том, что протоимперия, стремясь подчинить индивида, делает его более свободным в контексте творческого самовыражения, в чем автор косвенно соглашается с Марксом. Если у Бодрунова движущей силой «свободы» является технологический прогресс, то у Бузгалина – творческое человеческое начало, которое является причиной самого технологического прогресса. Автор полагает, что именно об этой «свободе» говорил Маркс. Бузгалин утверждает,

что индивид оказывает на исторический процесс воздействие социального и творческого характера, в результате чего имеет место снятие отчуждения и прогресс Человека, достижение им личной свободы.

Л. А. Булавка-Бузгалина в работе «Культура как смысловой вектор экономической модернизации» также выдвигает идею, согласно которой современный человек, включённый в рыночные отношения, не может стать свободным [6], поскольку интересы и потребности человека на сегодняшний день подчинены интересам коммерческого характера, которые трансформировали духовную жизнь в досуговую сферу. Это приводит к отчуждению, которое можно наблюдать при превращении личности в функции рынка, капитала и современных технологий.

Автор вводит новую категорию – *частный человек*, под которой понимается индивид, чья жизнь демонстрирует характер отчуждённости от культурного опыта. Для частного человека любой продукт творчества обладает ценностью лишь при наличии ценности финансового характера. Сегодня произведения искусства лишаются своего культурного значения – на первый план выходит рыночная стоимость.

Л. А. Булавка-Бузгалина считает, что «вместо произведения искусства мы получаем его симулякр, суть которого есть товар под названием «арт-объект»; художественное искусство становится искусством продажи этих арт-объектов; имя художника превращается в бренд как товар, творчество – в производство этих брендов» [6, с. 134]. В результате индивид становится завершённым «в себе и для себя» агентом рыночных отношений.

«Планомерное» формирование ментальной зависимости

Обобщая идеи приведённых авторов, можно заключить, что технологическое развитие в рамках господства товарно-денежных отношений не способствует преодолению вещной зависимости человека от общества. Раскрытие творческих потенций человека для дальнейшего прогресса как личности, так и общества требует преодоления вещной зависимости, а следовательно – преодоления диктатуры товарно-денежных отношений, разъединяющих людей на основе эгоистической ментальности и формирования нового (третьего) способа соединения индивида и социума в экономической жизни.

Третий способ взаимосвязи производства и потребления (исходное производственное отношение на языке политэкономии) или новый способ организации социальных связей в цаголовской школе политэкономии получил название *планомерность*.

Можно ли сказать, что современные передовые страны движутся в направлении роста планомерности общественного развития? Безусловно! И эти процессы наблюдаются уже не менее 100 лет. Они были многократно и убедительно описаны как в советских концепциях монополистической планомерности и государственно-монополистического капитализма, так и в зарубежных теориях «планирующей системы» [14]. Рыночные отношения как стихийное взаимодействие независимых субъектов существуют исключительно на страницах учебников как неперенный «символ веры», но уже давно не соответствуют реалиям хозяйственной практики. Планирование как способ хозяйствования пронизывает все уровни экономики – от масштабных государственных программ до пасторальных зарисовок рынка зелени и овощей в милом европейском городке, где каждая семья десятилетиями «закупается» у знакомого торговца, который знает всю свою клиентуру и заранее планирует объём закупок у оптовых торговцев. А последние – у фермеров, которые живут в жёстком плановом хозяйстве, ориентируясь на объёмы производства и прочие нормативы, спускаемые из министерства сельского хозяйства своей страны и европейской комиссии по сельскому хозяйству.

Более того, развитие монополистической и государственно-монополистической планомерности используется для повышения прибыльности капиталистической системы. Как известно, общая тенденция нормы прибыли к понижению, хорошо известная ещё в начале XIX в., со времен Д. Рикардо и Т. Мальтуса, облачённая К. Марксом в третьем томе «Капитала» в диалектические одежды развития капиталистической системы, остаётся бичом божьим в глазах идеологов капитализма и по сей день. Также мы полностью согласны с профессором Е. В. Балацким в том, что так называемые особые сектора экономики с высокой доходностью всегда служили локомотивами роста капиталистической системы, более того, они сформировали режим экономического роста как таковой (в отличие от тысячелетия господствовавшего режима мальтузианской ловушки) [2].

На наш взгляд, стоит добавить тезис, согласно которому современные *особые сектора*, за исключением откровенно криминальных (нелегальная торговля оружием, наркотики, *черная трансплантология* и пр.), получают свою экстрадоходность за счёт применения технологий планирования вкупе с монопольной властью и особым невоспроизводимым эффектом масштаба. Например, в упомянутой статье Е. В. Балацкого приводятся примеры современных высокоприбыльных секторов: нефтедобыча, фармацевтика, киноиндустрия, рынок мобильных устройств (на примере Apple). Наряду с правильными причинами высокой доходности этих отраслей (высокие технологии, наукоёмкость, невоспроизводимость природных запасов нефти) стоит указать, что в каждом из этих секторов работают сложнейшие механизмы корпоративного планирования, сопряжённые с системой государственного регулирования и планирования.

Например, в чём причины сверхприбыльности на рынке мобильных устройств? Разумеется, уникальные технологии, помноженные на маркетингово-визионерский талант основателя корпорации Apple, лежат в основе коммерческого успеха продукта. Но не надо забывать, что решающую роль в товарной экспансии, обеспечивающую высокую рентабельность, играет монополизация рынков. В статье Балацкого воспроизводится слоган Питера Тили и Блейка Мастерса: «конкуренция – это для лузеров»; автор утверждает, что конкуренция – это идеология, пронизывающая социум сверху донизу и искажающая наше восприятие.... В реальности всё выглядит иначе. Например, Facebook быстро завоевал мир лишь после того, как Марк Цукерберг в самом начале монополизировал колледжи США» [2, с. 20]. Следовательно, основа сверхприбыльности – корпоративная мощь, базирующаяся на корпоративном и государственном планировании научно-технического развития, предусматривающего, в частности, исключение из формальных правил антимонопольного законодательства.

Аналогично, успех кассовых голливудских блокбастеров зависит не только от художественного воплощения сценария, обилия спецэффектов, но и от корпоративного механизма планирования выхода картины в определённый срок, и от государственного заказа (явного или неявного) на отражение той или иной тематики, имеющей политический оттенок. Например, бешеный успех «Аватара» был связан (помимо новизны идеи, блестящих спецэффектов и талантливой игры актёров) с социальным заказом американской элиты на пропаганду фундаментальных идей трансгуманизма и экологизма, получивших к тому времени художественное развитие в других культурных продуктах. Массовое сознание населения было подготовлено к восприятию подобных штампов – гигантский потенциал рынка был сформирован, а талантливое исполнение эколого-трансгуманистической тематики обеспечило рекордные кассовые сборы.

Таким образом, можно предположить, что развитие планомерности в современных обществах является способом разрешения противоречия между индивидом и об-

ществом. Вещная зависимость индивида от общества в результате развития производительных сил и углубления разделения труда не может не сохраниться, но одновременно её нужно преодолеть, чтобы обеспечить обществу возможности для эволюционных маневров, поскольку оно (общество) не может не изменяться. Отношения планомерности и вытекающие из них способы координации поведения индивидов создают иллюзию (в терминах Маркса) «универсального развития индивидов и превращения их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние». Иными словами, формирующееся посткапиталистическое общество преодолевает состояние *личной независимости, основанной на вещной зависимости*, путём развития скоординированных планомерных форм коллективного взаимодействия, приводящих к отмене некоторых атрибутов частно-хозяйственного капитализма, особенно в условиях развёртывания новой промышленной революции. Эти формы коллективного взаимодействия включают в себя снятие оков святости с института частной собственности и обобществление производства, например, в виде распространения зомби-компаний, находящихся на содержании общества через бесконечные процедуры банковского рефинансирования [16].

Однако, формирующийся посткапитализм чрезвычайно далёк от марксовых гуманистических мечтаний о «царстве свободы» человека! Пропагандируемые в настоящее время формы *универсального развития индивидов* в виде иницилируемых общечеловеческих и общесоциальных повесток *устойчивого развития* представляют собой навязываемые обществом (точнее, скоординированными группами влияния) ментальные установки социального поведения, создающие иллюзию причастности индивида к общественному прогрессу. Бурное развитие современных информационно-коммуникационных технологий и совершенствование способов их воздействия на общество обеспечили формирование иллюзии вовлеченности индивида в решение массы социальных проблем – от беспризорных кошек на улице до глобального потепления.

На наших глазах совершается переход общественных отношений по направлению, предсказанному Марксом: в сторону преодоления *вещной зависимости* от общества за счёт развития квазиуниверсальных качеств индивида. Однако развитие последних происходит не благодаря раскрытию потенциала каждой личности через вне рыночные (безвозмездные) взаимоотношения с обществом, а за счёт вовлечения индивида в общественную повестку через доминирование ментальных средств коллективного воздействия. Индивид довольствуется иллюзией свободы отождествления его личных и общественных интересов под влиянием СМИ и иных форм ментального воздействия.

Таким образом, трансформация капитализма в посткапитализм не может не затрагивать изменение исходного производственного отношения этой общественной системы. Формирующееся новое исходное производственное отношение мы предлагаем охарактеризовать в терминах марксизма: «*личная зависимость человека на основе ментальной (не вещной) зависимости от общества*». Наметившиеся тренды новой промышленной революции, помимо распространения новых форм индустриального производства, связанных с сокращением уровня разделения труда, включают в себя проникновение информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта в сферу формирования ментальности населения через образование, культуру, СМИ. Управление сознанием индивидов создаёт для них иллюзию преодоления *вещной зависимости*, присущей капиталистическому хозяйству с господствующей эгоистической индивидуалистической ментальностью. Но вместо изживающей себя *товарно-денежной* формы взаимосвязи индивидов между собой и с обществом на основе *личной независимости* приходит регрессивная форма восстановления *личной зависи-*

мости индивидов, маскирующейся с помощью ментальных способов воздействия в одежде универсального развития индивидов.

Происходит очередная мутация больной *клеточки* капиталистического товарного отношения, приводящая к иллюзорному снятию противоречия между социальной и индивидуалистической природой человека. Настоящее устранение этого противоречия возможно только в рамках развития нового знаниеинтенсивного типа материального производства, нового индустриального общества второго поколения – НИО.2 [3, 4]. Научно-техническая база НИО 2.0 приведёт к формированию нового типа общественного устройства – ноономики, основной чертой которой является неэкономический способ удовлетворения потребностей человека и социума и управления развитием на основе понимания его закономерностей. Человек ноономики, вовлечённый в знаниеинтенсивное производство, не может быть подвержен ментальному манипулированию со стороны властных группировок. Ноообщество, построенное на гармоничном сочетании личных и общественных ценностей, будет способно сформировать удивительный общественный строй, где будет существовать «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние».

Список литературы

1. Балацкий, Е. В. Общая теория социального развития и циклы принуждения / Е. В. Балацкий // *Общественные науки и современность*. – 2019. – №5. – С. 156–174.
2. Балацкий, Е. В. «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // *Journal of New Economy*. – 2020. – Т. 21, № 3. – С. 5–27.
3. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
4. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. – 224 с.
5. Бузгалин, А. В. Марксизм после «Капитала»: российский контекст: докл. на междунар. конф. «Капитал – XXI: философия, методология, теория», посвященной 150-летию выхода первого тома «Капитала» К. Маркса / А. В. Бузгалин. – М.: Культурная революция, 2017. – С. 33–38.
6. Булавка-Бузгалина, Л. А. Культура как смысловой вектор экономической модернизации / Л. А. Булавка-Бузгалина // *Экономическая наука современной России*. – 2021. – № 4 (95). – С. 133–137.
7. Дзарасов, Р. С. Методология Н. А. Цаголова в исследовании накопления капитала в современной России / Р. С. Дзарасов // *Вестник МГУ. – Серия 6. Экономика*. – 2009. – №3. – С. 3–29.
8. Журавель, А. В. Марксова теория формаций и современность / А. В. Журавель // *Преподавание истории в школе*. – 2017. – №9. – С. 31–39.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 3.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. – Т. 46. – Ч. 1.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. – Т. 25. – Ч. 2.
12. Нуреев, Р. М. К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности / Р. М. Нуреев // *Вопросы философии*. – 1983. – № 6. – С. 1–11.
13. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения / Г. В. Плеханов. – М.: Прогресс, 1983. – 823 с.
14. Пороховский, А. А. «Планирующая система» Дж. К. Гэлбрейта: 50 лет спустя / А. А. Пороховский // *Российский экономический журнал*. – 2017. – №1.

15. Рубанов, А. В. Социальная теория К. Маркса / А. В. Рубанов // Маркс и марксизм в контексте современности: материалы междунар. науч. конф., посвящённой 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883), Минск, 26–27 апреля 2018 г. / А. В. Рубанов; отв. ред. В. Ф. Гигин. – Минск: Белорусский гос. ун-т, 2018. – С. 386–391.
16. Толкачев, С. А. О снятии противоречий и трансформации капитализма в эпоху четвертой промышленной революции / С. А. Толкачев // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 3. – С. 85–103.
17. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
18. Цаголов, Н. А. Актуальные проблемы методологии политической экономии / Н. А. Цаголов // Вопросы политической экономии. – 2017. – №1 – С. 119–129.

References

1. Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2020) «Osobyj sektor» jekonomiki kak drajver jekonomicheskogo rosta. [‘Special Sector’ Economy as a Driver of Economic Growth] Journal of New Economy, Vol. 21, No. 3, 2020. pp. 5–27 (in Russian).
2. Balatsky E. V. (2019) Obshhaja teorija social’nogo razvitija i cikly prinuzhdenija [General Theory of Social Development and Cycles of Coercion] Social Sciences and Modernity, No. 5, 2019. pp. 156–174 (in Russian).
3. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika / Monografija [Noonomy / Monograph] Moscow: Cultural Revolution, 2018. – 432 p., pp. 324 (in Russian).
4. Bodrunov S. D. (2020) Noonomika: traektorija global’noj transformacii [Noonomy: the Trajectory of Global Transformation]. Moscow: INID; Kulturnaya revolutsiya. 224 p.
5. Buzgalin A. V. (2017) Marksizm posle «Kapitala»: rossijskij kontekst. [Marxism after “Capital”: Russian Context]. Paper presented at the International Conference “Capital XXI: Philosophy, Methodology, Theory” on the 150th Anniversary of the First Volume of Marx’s Capital. M.: Cultural Revolution, pp. 33–38 (in Russian).
6. Bulavka-Buzgalina L. A. (2021) Kul’tura kak smyslovoj vektor jekonomicheskoy modernizacii. [Culture as a semantic vector of economic modernization]. Economic Science of Modern Russia. 2021. № 4 (95). pp. 134 (in Russian).
7. Dzarasov, R. S. (2009) Metodologija N.A. Cagolova v issledovanii nakoplenija kapitala v sovremennoj Rossii. [N.A. Tsagolov’s Methodology in the Study of Capital Accumulation in Modern Russia]. Herald of Moscow State University. Series 6. Economics. №3. pp. 3–29 (in Russian).
8. Zhuravel A.V. (2017) Marksova teorija formacij i sovremennost’. [Marx’s Formation Theory and Modernity] Teaching History at School. 2017. №9. pp. 31–39 (in Russian).
9. Marx K., Engels F. (1955). Sochinenija. Izdanie vtoroje. [Works. Second edition]. Moscow: Publishing House of Political Literature. V. 3 (in Russian).
10. Marx K., Engels F. (1968). Sochinenija. Izdanie vtoroje. [Works. Second edition]. Moscow: Publishing House of Political Literature. V. 46. P. 1. (in Russian).
11. Marx K., Engels F. (1962). [Sochinenija. Izdanie vtoroje. Works. Second edition]. Moscow: Publishing House of Political Literature. V. 25. P. 2. (in Russian).
12. Nureyev, R. M. (1983) K. Marks ob osnovnyh formah proizvodstvennyh otnoshenij i razvitii lichnosti. [K. Marx on the Basic Forms of Production Relations and the Development of Personality]. Voprosy filosofii, No. 6, 1983, 11 p (in Russian).
13. Plekhanov G.V. (1983) Izbrannye filosofskie proizvedenija. [Selected Philosophical Works] / G. V. Plekhanov. – M.: Progress. – 823 p., (in Russian).

14. Porokhovskiy, A. A. (2017) "Planirujushhaja sistema" Dzh. K. Gjelbrejta: 50 let spustja. [J. K. Galbraith's The Planning System: 50 Years Later]. Russian Economic Journal, №1 (in Russian).
15. Rubanov, A. V. (2018) Social'naja teorija K. Marksa / A. V. Rubanov // Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. [K. Marx's Social Theory / A. V. Rubanov] // Marx and Marxism in the Context of Modernity: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of K. Marx (1818-1883), Minsk, 26–27 April 2018 / Responsible editor V. F. Gigin. – Minsk: Belarusian State University, pp. 386–391 (in Russian).
16. Tolkachev S. A. (2022) O snjatii protivorechij i transformacii kapitalizma v jepohu chetvertoj promyshlennoj revoljucii. [On the Removal of Contradictions and the Transformation of Capitalism in the Era of the Fourth Industrial Revolution] // Problems of Political Economy. № 3. pp. 85–103 (in Russian).
17. Fromm, E. (2004) Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. [Anatomy of Human Destructiveness] / Erich Fromm; [Translated from German by E. Telyatnikova]. – M.: AST, 635 pp. (in Russian).
18. Tsagolov N. A. (2017) Aktual'nye problemy metodologii politicheskoj jekonomii. [Current Problems of Political Economy Methodology]. Voprosy politicheskogo ekonomiki, №1, pp. 119–129 (in Russian).

S. A. Tolkachev⁵, A. I. Avdeeva⁶. Modern post-capitalism and the dialectic of the three forms of economy doctrine. The article attempts to show the development of K. Marx's dialectical doctrine of the three forms of economy on the materials of the modern crisis of capitalism and the post-capitalist formation outlines. The theoretical concept of three forms of economy, which became popular, was proposed by early Marx in the form of a typology of the development individuality dependence from society in the forms of personal dependence, personal independence based on material dependence, and finally, free individuality based on the universal development of individuals. Subsequently, the domestic school of political economy methodology transformed the content of the three forms into the original production relation doctrine, which together with the basic production relation forms the two-part identifier of each socio-economic formation. The driving forces and internal contradictions of the transition to each form of economy are shown. The essence manifestations of the form of "removal" of the contradiction between the tasks of development of the individual and society in the modern postcapitalist society in the form of planning and socialization of production, which form a new initial productive relation of postcapitalism – "the personal dependence of man on the basis of the mental dependence on society" are highlighted. On the basis of the comparison of the doctrine of the three forms of economy and the theory of noonomics, a reasonable conclusion is presented that the actual resolution, rather than the "removal" of the contradiction between the individual and society is possible within noo-society.

Keywords: personal dependence, material dependence, free individuality, feudalism, capitalism, postcapitalism, "removal" of the contradiction, commodity-money relations, production relations.

⁵ *Sergei A. Tolkachev*, First Deputy Head of the Department of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Leningradsky pr., 49/2, Moscow, 125167, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail; satolkachev@fa.ru

⁶ *Anastasia I. Avdeeva*, MA student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Leningradsky pr., 49/2, Moscow, 125167, Russia), e-mail:7141164@gmail.com